

Я НА ТВОЕЙ СТОРОНЕ

Михаил Шакаль

Михаил Шакаль

Я на твоей стороне

«Автор»

2026

Шакаль М.

Я на твоей стороне / М. Шакаль — «Автор», 2026

Я видел, как они выросли. Те, кто пришёл в эти стены детьми, теперь держат в руках судьбы — свои и чужие. Война стоит у ворот. Империя возвращается на восток. Древние тени просыпаются. Старые клятвы напоминают о себе. Линии крови, считавшиеся ясными, спутываются в узел, который не развязать ни мечом, ни словом. Есть решения, которые меняют всё. Есть дороги, с которых не сворачивают. И есть любовь, которая не спрашивает, удобна ли она, разрешена ли, вписана ли в чьи-то планы. Она просто есть. И она сильнее, чем страх. Я видел, как начиналась эта история. Я оставался рядом, когда рушились стены и когда поднимались новые. Теперь я вижу как свет тянется к тьме. Как дорога, начавшаяся у моря, уходит за горизонт. Я — ректор Академии. Я был здесь до их появления и останусь после.

© Шакаль М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Михаил Шакаль

Я на твоей стороне

Глава 1

Вейл

Море дышало тяжело, с присвистом — осень только начиналась, но ветер уже приносил запах близких штормов. Вейл сидел на гальке, подтянув колени к груди. Камешки холодили даже сквозь плотную ткань штанов — гладкие, серые, столетиями обкатанные прибоем. Он выбрал один, прицелился и бросил. Камень чиркнул по воде, подпрыгнул раз, другой, третий — и ушёл на дно.

Три отскока. Раньше выходило шесть-семь, но это было давно — когда они приходили сюда с братом. Кайл метал камни, Вейл считал. Теперь Кайл тренировался с легионерами, а Вейл сидел один. И это было... нормально. Не хорошо и не плохо. Просто факт, который он принял где-то между двенадцатью и девятнадцатью.

Академия ждала его год назад. Отец ничего не сказал — только кивнул, когда Вейл попросил отсрочку. Мать спросила: «Ты уверен?» — и в её зелёных глазах он увидел страх. Не за Империю — за него. Она боялась, что он сломается. Он не сломался. Он просто ждал. Дар не пришёл. И теперь, за три дня до нового приёма, он всё ещё не знал, пойдёт ли.

Шаги он слышал поздно — ветер уносил звуки в сторону моря. Две женские фигуры спускались по тропе, что вилась вдоль обрыва. Первая почти бежала, придерживая подол дорожного плаща. Вторая двигалась медленнее, но в её походке сквозило то же самое — азарт. Так ходят люди, которые долго шли и наконец добрались.

Первая остановилась у самой воды, раскинула руки и засмеялась. Смех был звонкий, переливчатый — чайки, дремавшие на скалах, снялись и ушли в небо.

— Оно огромное! Ты говорила, но я не верила!

Вторая — старшая, с платиновыми волосами, стянутыми в низкий узел, — усмехнулась и ничего не ответила. Она смотрела на море не с восторгом, а с узнаванием. Как смотрят на то, что видели очень давно и почти забыли.

Вейл заметил серебристый отлив в волосах обеих ещё до того, как разглядел лица. Алай-нар. Или полукровки. В Столице такие встречались редко.

Девушка — лет семнадцати, не больше — заметила его первой. Перестала смеяться, но не испугалась. Просто посмотрела с любопытством, как смотрят на неожиданную находку.

— Добрый день.

Голос у неё был мягкий, но не робкий. Вейл кивнул, не поднимаясь.

— Добрый.

Старшая окинула его быстрым взглядом — оценивающим, но не враждебным. Так смотрят на безобидного зверька у дороги: живёт, и ладно.

— Ты местный? — девушка подошла ближе. Галька хрустела под её сапожками. — Мы первый раз у моря. То есть я первый раз. Элейн была когда-то, но это было давно.

— «Давно» — это тысячу лет назад, — подала голос старшая. — Тогда здесь ещё был песок.

— Песок? — девушка нахмурилась, оглядывая каменистый берег. — Что случилось?

— Шторма, — сказал Вейл. — Порт даже не построили. Течения неправильные.

Девушка кивнула — так, будто он сообщил что-то важное. Потом посмотрела на воду и снова улыбнулась. Широко, открыто. Ветер бросил прядь волос ей в лицо, и она нетерпеливо заправила её за ухо — привычный жест, который Вейл почему-то запомнил сразу.

— Это неважно. Оно всё равно прекрасное. Я — Лиора. А это моя тётя Элейн. Мы приехали в Академию.

— Я понял. Приём через три дня.

— Ты тоже поступаешь?

Она спросила легко, без задней мысли. Вейл покатал в пальцах камешек — плоский, гладкий, идеальный для броска.

— Нет. Я не студент.

Лиора моргнула. Элейн чуть наклонила голову.

— Не студент? — переспросила Лиора. — Но ты же...

Она не договорила. То ли не нашла слов, то ли поняла, что ступает на тонкий лёд.

Вейл размахнулся и бросил камень. Четыре отскока. Лучше, чем в прошлый раз.

— Я просто живу, — сказал он. — Ждал кое-чего. Не дождался. Теперь думаю, что дальше.

Лиора смотрела на круги, расходящиеся по воде. Потом наклонилась, подобрала с гальки плоский камешек — почти такой же, как у него, — и, прицелившись, бросила. Камень упал в траву, не долетев до воды.

— Не очень, — признала она.

— Ты неправильно держишь. — Вейл поднялся, отряхнул ладони. Подошёл, взял ещё один камешек и протянул ей. — Вот так. Указательный вдоль края. Не зажимай сильно.

Она попробовала снова. Камень чиркнул по воде — раз, другой — и ушёл на дно.

— Два! — она просияла. — Уже лучше!

Элейн, стоявшая поодаль, кашлянула.

— Лиора. Нам пора. Твой дед будет недоволен.

Лиора на мгновение замерла, глядя на Вейла. Что-то мелькнуло в её лице — не жалость, не любопытство. Скорее, узнавание. Как будто она тоже знала, каково это — ждать.

— Ты проводишь нас до города? Уже темнеет.

Это была почти ложь — тропа вела прямо к воротам. Вейл знал это. Она, скорее всего, тоже. Но он кивнул.

— Идёмте.

Они пошли вверх по тропе. Лиора шагала легко, несмотря на крутой подъём, и время от времени бросала взгляды то на море, то на него. Её волосы на ветру казались светлыми — не серебряными, а просто светлыми, как бывает у людей, которые много времени проводят на солнце.

— А что ты делаешь, когда не ждёшь? — спросила она.

— Кидаю камни. Читаю. В библиотеке Цитадели хорошие книги по истории.

— По истории? — она чуть нахмурилась. — А по магии?

— По магии тоже. Но это не моё.

— Ты пробовал?

Вейл помолчал.

— Пробовал. Не вышло.

Лиора не стала дожидаться. Они подошли к воротам. Элейн, ушедшая вперёд, уже ждала их, скрестив руки.

— Дальше мы сами, — сказала Лиора. Повернулась к Вейлу. — Как тебя зовут?

— Вейл.

— Вейл, — повторила она, пробуя имя на вкус. — Ты ведь сын кого-то важного, да? Выправка, речь... Ты не похож на простого горожанина.

— Может, и так. — Он пожал плечами. — Но это неважно.

Она нахмурилась — чуть-чуть, едва заметно. Потом вдруг улыбнулась.

— Знаешь, мне тут понравилось. Море. Камни. Ветра я не боюсь. Может, ещё как-нибудь прогуляемся? Ты покажешь, как кидать на четыре отскока.

— Я не обещаю. Но... возможно.

— Тогда договорились. — Она развернулась и пошла к воротам. Элейн задержалась на мгновение, посмотрела на Вейла долгим взглядом — теперь в нём не было снисхождения, только небольшой интерес, — и последовала за племянницей.

Вейл остался стоять у ворот. Ветер трепал его волосы. Море шумело за спиной.

Он знал, что Лиора ошиблась. Он не был загадочным. Он был просто человеком, который слишком долго ждал и наконец перестал. Но когда она улыбнулась, что-то в груди дрогнуло. Словно камень, брошенный в воду, наконец коснулся поверхности.

Один раз.

Он посмотрел на свои руки — пустые, без магии, без дара. Потом перевёл взгляд на ворота Столицы. Три дня до приёма. Он всё ещё не знал, пойдёт ли. Но впервые за долгое время ему стало... не всё равно.

Марк

Площадь перед вратами Академии гудела, как улей в последний тёплый день осени.

Студенты текли через высокую арку сплошным потоком — кто с дорожными сумками, кто налегке, кто в окружении слуг и родственников. Воздух пах пылью, прелой листвой и почему-то корицей — должно быть, из тележки торговца, пристроившегося у восточной стены. Марк стоял у фонтана, расставив ноги и скрестив руки на груди, и смотрел на всё это с видом человека, который привык оценивать местность перед боем.

Северянин. Крупный, светловолосый, с тяжёлой челюстью и глазами цвета зимнего неба. Одет просто — добротный шерстяной камзол, подбитый мехом, хотя местные ещё не кутались. Но Марк знал: если привыкнешь к другой одежде, первый же ветер с перевала свалит с ног. Поэтому мех.

Он не нервничал. Он был наследником Наместника Севера, внуком Кутоса, и привык к тому, что мир расстилается перед ним, как карта. Академия? Очередная крепость, которую нужно взять. Дар? Инструмент, который нужно отточить. Девушки?..

Рядом с ним на край фонтана присел парень — примерно его возраста, может, чуть моложе. Широкие плечи, пепельные волосы, прямая спина — такие спины Марк видел у легионеров, которые прослужили лет двадцать. Но этому явно не было двадцати. Одет дорого, но без блеска — хорошая кожа, добротная шерсть, ни одного лишнего украшения. Сидел молча, глядя куда-то в толпу.

Марк хотел было заговорить, но тут из арки Академии выпорхнули девушки.

Четыре. Нет — пять. Все в светлых платьях, все смеются, все с распущенными волосами. Две — рыжие, одинаковые до дрожи, будто отражение в зеркале. Ещё одна — постарше, с тёмно-рыжими кудрями, которые горели на солнце, как осенний лес. И самая младшая — почти девочка, с волосами цвета мёда, что-то щебечущая старшей.

— Ты только посмотри на это, — выдохнул Марк, пихая парня локтем в бок. — Ты только посмотри на этот цветник!

Парень проследил его взгляд и ничего не сказал.

— Нет, ты серьёзно посмотри! — Марк даже привстал. — Я думал, в Академии одни книжные черви и маги в мантиях до пят. А тут... — он развёл руками. — Цветник! Настоящий цветник! Я тебе говорю — вот где стоит учиться. Ты только взгляни на этих рыжих. Их две! Две одинаковые! Ты вообще такое видел?

— Видел, — коротко ответил парень.

— Где?! В северных землях таких нет. У нас женщины как сталь — крепкие, надёжные. А тут — чистый шёлк. — Марк снова пихнул его локтем. — Эй, ты чего такой мрачный? Ты вообще понимаешь, куда мы попали? Это же... это же золотая жила! Я — Марк, кстати.

Наследник Наместника Севера. Внук. Все девушки в этой Академии будут мои, попомни моё слово. Ты только посмотри на вон ту, с тёмно-рыжими кудрями. Видел такие глаза? А эти две, в розовых платьях? Нет, ты скажи — ты знаешь, кто они? Местные аристократки? Дочери каких-нибудь лордов?

Парень рядом с ним спокойно вытянул ноги и сложил руки на коленях. Потом неторопливо, будто перечисляя пункты в списке покупок, сказал:

— Та, что с тёмно-рыжими кудрями — это Алиса. Жена Повелителя. Императрица.

Марк моргнул.

— Чего?

— Девушка в розовом платье, та, что повыше — это Эмбер. Её старшая дочь. Старшая дочь Повелителя.

Улыбка Марка начала медленно сползать с лица.

— Две одинаковые — это Ирис и Ива. Близняшки. Дочери Повелителя.

— Погоди...

— Та, что с волосами цвета мёда — Люми. Младшая дочь Повелителя. Ей четырнадцать.

Парень замолчал. Марк смотрел на него, открыв рот.

— Ты... ты откуда знаешь?

— Знаю, — сказал парень и пожал плечами. — Просто знаю.

Девушки прошли мимо фонтана, не заметив ни Марка, ни его собеседника. Старшая — императрица — что-то негромко говорила Эмбер, и та кивала в ответ. Близняшки шли рука об руку, склонив головы друг к другу. Младшая на ходу поймала летящий лист и засмеялась.

Они скрылись в боковой аллее, даже не взглянув в сторону фонтана.

Марк медленно опустился на край каменной чаши.

— Все четыре, — сказал он глухим голосом. — Все четыре дочери.

— Плюс императрица, — добавил парень.

— Да. Плюс императрица. — Марк провёл ладонью по лицу. — Я только что назвал императрицу «цветником».

— Ну, ты не совсем её имел в виду. Ты больше про дочерей говорил.

— Я говорил про всех! Я сказал «все девушки будут мои»! Я назвал императрицу красоткой! — Марк застонал. — Если Повелитель узнает...

— Повелитель справедлив, — сказал парень. — Думаю, казнь будет быстрой.

Марк уставился на него в ужасе. Парень смотрел в ответ — и в его серых глазах Марк с опозданием заметил веселье.

— Ты шутишь, — выдохнул он. — Ты шутишь, да?

— Возможно.

— Кто ты вообще такой?! Откуда ты знаешь всю императорскую семью?

Парень открыл было рот, но не успел ответить.

— Привет, кузен!

Марк обернулся. К фонтану шла девушка — светловолосая, с серо-голубыми глазами, в тёмно-синем платье и с брошью-ласточкой у ворота. Пшеничные волосы убраны в тугой узел — ни одна прядь не выбилась.

Марк поднялся.

— Ронни? Ты здесь?

— А где мне ещё быть? — Она подошла ближе и улыбнулась. — Приём через три дня. Я приехала заранее, хотела осмотреться. Ты тоже?

— Я тоже. — Марк всё ещё не отошёл от потрясения. — Слушай, тут такое дело...

— Привет, кузина, — раздалось у него за спиной.

Марк обернулся. Парень с пепельными волосами смотрел на Ронни и улыбался — впервые за всё время.

— Привет, кузен, — сказала она.

Марк перевёл взгляд с одного на другого.

— Кузен? — спросил он.

— Кузен, — подтвердил парень.

Тишина длилась несколько ударов сердца. Потом Ронни засмеялась — легко, открыто.

— Ну конечно. Он — Кайл. Сын Повелителя. Мы с ним двоюродные. Его мать моя тётя.

Ронда.

Марк стоял столбом.

— погоди, — медленно произнёс он. — Ты — Кайл? Сын Повелителя?

— Кай, — сказал парень. — Но меня все зовут просто Кайл.

— Ты только что слушал, как я расписывал планы на твоих сестёр, — сказал Марк бесцветным голосом. — Ты знал, кто они. Ты знал, кто я. И ты молчал.

— Ты был очень убедителен, — сказал Кай. — Я не хотел тебя прерывать. «Золотая жила» — это хорошо. Мне понравилось.

Ронни переводила взгляд с одного на другого, и её губы подрагивали от сдерживаемой улыбки.

— Что здесь произошло?

— Ничего, — быстро сказал Марк.

— Марк тут восхищался местными девушками, — одновременно с ним сказал Кай. — В частности, моей матерью и сёстрами. Он назвал их «цветником» и сказал, что все они будут его.

— Я не знал! — рявкнул Марк.

Ронни посмотрела на него долгим взглядом. Потом медленно, очень медленно покачала головой.

— Марк. Всего полчаса у ворот Академии — и ты уже успел назвать императрицу «золотой жилой» в присутствии принца.

— Я не знал, что это принц!

— А это что-то меняет? — спросил Кай. — То есть если бы я был простым студентом, план «все девушки будут мои» был бы в силе?

Марк открыл рот. Закрыл. Снова открыл.

— Я тебя ненавижу, — сказал он Кайлу.

— Ничего, привыкнешь. — Кайл поднялся с фонтана и хлопнул его по плечу. — Ладно, северянин. Мир. Я не в обиде, и матери ничего не скажу. Но с тебя выпивка.

— С меня? Это ты меня разыграл!

— Ты сам себя разыграл. Я только слушал.

Ронни взяла обоих под руки.

— Идёмте. «Усталый маг» ещё работает. Марку нужно выпить — вон он как побледнел.

— Северяне не бледнеют, — буркнул Марк.

— Этот побледнел, — сказал Кайл. — Я видел.

Они пошли через площадь к центру города. Ветер с моря трепал волосы, осеннее солнце клонилось к закату, и где-то впереди ждала Академия. Марк шёл между Каем и Ронни и думал, что первый день ещё даже не начался, а он уже умудрился вляпаться в историю, которую на Севере будут пересказывать годами.

Но хуже всего было другое. Ему действительно понравилась одна из близняшек. Та, что шла слева. Или справа? Они были совершенно одинаковые.

Он даже не знал, которую запомнил.

Киран

Арка выплюнула его на площадь Столицы, как волна выбрасывает на берег обломок корабля — резко, без предупреждения.

Киран пересёк голубоватое свечение портала, и его сапоги ударили в каменную мостовую с той особой, чеканной твёрдостью, которая бывает только у людей, привыкших ходить по палубе. Пурпурный плащ — знак императорской крови — взметнулся за спиной и тяжело осел на плечи. Он не носил его на Островах. Там он был просто Кираном. Здесь, в Столице, он был братом Повелителя.

Толпа расступалась.

Никто не толкал, никто не загораживал дорогу. Прохожие — торговцы, ремесленники, legionеры в увольнительной — бросали взгляд на плащ, на золотую цепь наместника, на лицо человека, который имел право носить и то, и другое, — и отступали в стороны, как вода перед носом корабля. Киран не замечал их. Он шёл сквозь город, который не был ему родным, но который он помог отстоять, и кулаки его были сжаты.

Улица Наместников встретила его тишиной. Здесь не было толпы — только особняки, только гербы над воротами, только редкие огни в окнах. Его собственный дом сиял. Каждое окно горело — должно быть, слуги готовились к приезду хозяина, не зная, что хозяин уже здесь.

Киран остановился у ограды. Ясень во дворе, старый, корявый, ещё не сбросивший листву, тихо шумел под ветром. Он смотрел на освещённые окна и не мог заставить себя сделать шаг.

Рука легла на его плечо.

Тяжёлая. Тёплая. Знакомая.

Кай помолчал. Его ладонь всё ещё лежала на плече брата — не давила, просто была.

— Мари поступила нечестно, — произнёс он. — Она не имела права скрывать от тебя. Но она — алайнар. Они живут иначе. Они не чувствуют времени так, как мы. И она... — Он сделал паузу. — Она боялась. Не за себя. За тебя. Ты был слишком молод. Слишком горяч. Она думала, что время подготовит вас обоих. И ошиблась.

— Ошиблась, — эхом повторил Киран. В его голосе не было злости — только горечь.

Кай слегка сжал его плечо.

— Ты можешь злиться. Имеешь право. Но не на неё. — Он посмотрел на освещённые окна. — Она не виновата в том, что её мать промолчала. И если ты войдёшь туда с гневом, ты ранишь не Мари. Её.

Киран выдохнул. Медленно, тяжело — так, словно с этим выдохом уходило что-то, что он держал в груди всю дорогу от арки. Кулаки его разжались.

— Я знаю, — сказал он. — Я просто...

— Просто ты боишься, — закончил Кай. — Это нормально. Я тоже боялся. Все мы боимся, когда впервые видим их. Но ты справишься. Ты всегда справлялся.

Он убрал руку с его плеча. Киран постоял ещё мгновение, глядя на освещённые окна, на старый ясень, на свои разжатые ладони. Затем коротко кивнул — скорее себе, чем брату, — и шагнул к калитке. Кай остался у ограды. Он знал: дальше Киран должен идти один.

Дверь распахнулась прежде, чем Киран успел взяться за молоток.

Из дома вылетела девушка — буквально вылетела, не вышла, не спустилась по ступеням, а сбежала вниз одним лёгким, почти танцующим движением. Серебристые волосы развевались за спиной, золотистые глаза сияли, и Киран, застыв на полпути к крыльцу, вдруг понял, что забыл, как дышать.

— Отец!

Она замерла в шаге от него — высокая, гибкая, с алайнарской грацией, но с его глазами. С его разрезом, с его тёплым, золотистым отливом в радужке. От неё исходил свет — в прямом смысле: кожа чуть светилась в сумерках, и Киран не мог понять, магия это или просто счастье.

— Я так рада! — выпалила она, и слова полились из неё, как ручей после дождя. — Мама столько о вас рассказывала! Она говорила, что вы самый храбрый человек, которого она знает, и что однажды мы встретимся, и вот я приехала, и я так боялась, что вы не придёте, но вы

пришли! — Она перевела дыхание и улыбнулась — широко, открыто, без тени смущения. — Я Лиора. Ваша дочь.

Киран смотрел на неё. На это светящееся чудо, которое говорило без остановки, улыбалось, как летнее утро, и смотрело на него с таким обожанием, какого он не заслужил. Он хотел сказать что-то важное — что-то, что подготовил за дорогу, пока шёл от арки. Но все слова вылетели из головы.

— Ты... — начал он и осёкся. — Ты высокая.

Лиора моргнула. Потом рассмеялась — звонко, переливчато.

— Мама говорила, что вы не умеете говорить о чувствах! Это правда!

— Я умею, — запротестовал Киран. — Просто... не сейчас.

— Ничего. — Она шагнула ближе и вдруг, без предупреждения, обняла его. Крепко. По-настоящему. — Я подожду. Я умею ждать. Я ждала семнадцать лет. Ещё пара минут — это не страшно.

Киран замер. Его руки, только что беспомощно висевшие вдоль тела, медленно поднялись и легли на её спину. Он чувствовал тепло её кожи даже сквозь плащ. Чувствовал, как бьётся её сердце — быстро-быстро, как у пойманной птицы.

— Прости, — прошептал он. — Я не знал.

— Я знаю. — Она не разжимала объятий. — Мама всё объяснила. Я не сержусь. Правда. Я просто рада, что вы здесь.

Киран закрыл глаза. Где-то у ограды, в тени старого ясеня, стоял Кай и смотрел на них. Он ничего не говорил. Он знал этот момент. Он сам пережил его много раз.

Грег

В таверне пахло жареным мясом, свежим хлебом и едва уловимо — корицей, хотя пироги кончились ещё в полдень. Запах въелся в деревянные балки лет двадцать назад и с тех пор не покидал «Усталого мага», как не покидал его и сам хозяин — грузный, седой, с перебитым носом и шрамом через бровь. Грег стоял за стойкой и протирал кружки. Чистые. Он всегда делал это, когда в таверне было тихо. Это помогало думать. Или делать вид, что ты занят, когда на самом деле ты просто старый солдат, который не умеет сидеть без дела.

За большим столом у окна было шумно. Там сидели шестеро, и все — из той породы, которую Грег за тридцать лет научился распознавать с первого взгляда. Выправка, дорогая одежда, гербы на плащах. Не студенты. Пока ещё. Наследники. Будущие маги.

Кайл — плечистый, пепельные волосы падают на лоб, прямая спина легионера. Рядом Ронни в неизменном тёмно-синем, брошь-ласточка блестит в свете масляной лампы. Марк — громадный, светловолосый, с челюстью, как нос корабля, — смеялся, откинувшись на спинку стула. Маркус сидел напротив, и что-то негромко говорил Розе, а та слушала, чуть склонив голову к плечу. Северус, с серебряной змеей на плече, молчал, скрестив руки на груди, и смотрел в кружку с видом человека, которому хорошо в тишине, даже если вокруг шумят.

Грег знал их всех. Знал с пелёнок, если честно. Дети Империи. Те, кому предстояло однажды принять на свои плечи всё, что построили их родители. А пока — они просто пили эль и смеялись, и Марк в красках расписывал какую-то историю, размахивая руками так, что Ронни придерживала свою кружку, чтобы не опрокинулась.

Дверь открылась. Грег поднял глаза по привычке — тридцать лет за стойкой вырабатывают рефлекс: каждого входящего встречаешь взглядом, оцениваешь, запоминаешь.

Вошедший был из тех же.

Рыжие кудри — густые, вьющиеся, совсем как у матери. Грег узнал бы этот оттенок где угодно: цвет осенней листвы, цвет пламени, цвет императрицы Алисы в молодости. А вот глаза — серые, отцовские. И плечи — не такие мощные, как у Кайла, но в них чувствовалась та же порода. Вошедший был высок и строен, и волосы падали на лоб мягкими кольцами, делая его лицо моложе, чем он, вероятно, хотел бы казаться. Одет просто, без гербов, без пурпура. Но

Грег узнал его сразу. Конечно, узнал. Он узнавал всех детей императорской семьи, даже тех, кто не носил пурпур.

Вейл. Старший сын Повелителя. Тот самый, о котором знали все — наследник без дара.

Юноша замер на пороге. Его взгляд скользнул по залу, задержался на столе у окна — на Кайле, на Ронни, на Марке — и ушёл в сторону. Он не подошёл к ним. Вместо этого он направился к стойке.

Грег чуть прищурился. Это было привычно. Парень приходил сюда уже несколько лет — не часто, но достаточно, чтобы хозяин знал его манеру. Всегда один. Всегда без свиты. Всегда к стойке, а не к столу. Грег не спрашивал почему. Такие, как Вейл, не любят, когда лезут в душу.

Но сегодня было что-то ещё.

Грег не сразу понял, что именно. Он просто почувствовал: в воздухе вокруг парня висело что-то новое. Не тяжесть, не усталость — то, что висело обычно. Нет, сегодня это было похоже на... лёгкость? Или на тень улыбки, которая ещё не коснулась губ, но уже изменила весь облик. Грег достаточно пожил, чтобы распознать такое.

— Добрый вечер, — сказал Вейл, садясь на табурет. Голос его был спокойный, но не такой, как всегда. В нём не было той привычной глухой ровности. Чуть живее.

— Добрый, — отозвался Грег. Он взял чистую кружку, налил эля из кувшина и поставил перед парнем. — За счёт заведения.

Вейл посмотрел на кружку, потом на Грега.

— Ты каждый раз так говоришь.

— А ты каждый раз делаешь вид, что удивлён. — Грег опёрся ладонями о стойку. — Ну, рассказывай.

Вейл взял кружку, отпил. Эль был холодный, горьковатый, северный — то, что надо. Но сегодня он пил медленнее, чем обычно. И это тоже было знаком.

— Нечего рассказывать, — сказал он наконец.

— Врёшь. — Грег не спрашивал, он утверждал. — У тебя лицо как у человека, который только что увидел что-то хорошее и ещё не решил, можно ли ему радоваться.

Вейл молчал. Грег не торопил. Он взял полотенце, протёр стойку, хотя она была чистой, поставил кувшин на место. За тридцать лет он научился ждать. Такие, как этот парень, не выдерживают тишины — не когда им есть что сказать.

И точно. Через пару минут Вейл заговорил.

— Я видел девушку.

Грег не удивился. Он только бровь приподнял.

— Девушку, — повторил он ровно. — Это бывает.

— Не обычную.

— А какую?

Вейл отставил кружку. Его пальцы легли на стойку, но не сжимались — просто лежали, расслабленные. Грег отметил это: раньше он всегда держался за кружку, как за спасательный круг.

— Она бросала камни в море, — сказал Вейл. — У неё не получилось ни одного отскока. Но она смеялась. Так, будто это самое смешное, что с ней случалось за всю жизнь.

Грег молчал.

— У неё серебристые волосы, — продолжал Вейл, глядя куда-то в тёмное дерево стойки. — И глаза... тёплые, как мёд. Она смотрит на всё так, будто видит впервые. И не боится.

— Кто она?

— Дочь наместника Запада. Алайнар.

Грег присвистнул.

— Ну, парень, ты не мелочишься. Дочь Кирана. Внучка ректора Академии, если я ничего не путаю. Ты умеешь выбирать.

— Я не выбирал. — Вейл поднял глаза. — Просто... вышло так.

— И что теперь?

Вейл помолчал. Потом выдохнул — медленно, как человек, который наконец решается сказать то, что грызло его весь вечер.

— Я хочу её увидеть. Но так, чтобы она не видела во мне сына Повелителя. Просто... человека.

— Тогда не будь им, — сказал Грег просто. — Не будь сыном Повелителя. Ты ведь не носишь герб. Не таскаешь за собой свиту. Так чего ты боишься? Она увидит тебя таким, какой ты есть, если ты сам не начнёшь выпячивать свою кровь.

— А если узнает?

— Узнает — и что? Если она настоящая, ей будет всё равно. А если нет — ну, значит, не твоя. — Грег пожал плечами. — Сын Повелителя — это не то, что можно снять, как плащ. Но можно не прятаться за него. Идти к ней не как наследник, а как парень, который умеет кидать камни и может научить, если она захочет.

Вейл усмехнулся — негромко, почти беззвучно, но Грег увидел, как впервые за вечер в его глазах блеснуло что-то живое.

— Ты говоришь так, будто это легко.

— Это не легко. Это страшно. — Грег пожал плечами. — Но всё, что стоит делать, — страшно. Запомни это.

Он помолчал, глядя на Вейла, потом придвинул кувшин и налил себе ещё.

— Хочешь, я расскажу тебе одну историю? — спросил Грег, не дожидаясь ответа. — Двадцать лет назад в эту самую дверь вошёл парень. Сапоги — каша, плащ — рваньё, в кошельке — три монеты. Спина прямая, глаза холодные. Я на него глянул и сразу понял: легионер. Бывший. Или действующий — тогда я ещё не разобрал. Сел за вон тот столик и заказал воду. Воду, понимаешь? В таверне. Я ему похлёбку принёс. Он ложку взял, а у самого руки дрожали. Не от страха — от голода.

Грег сделал глоток, вспоминая.

— И что с ним стало? — тихо спросил Вейл.

— А то ты не знаешь. — Грег посмотрел на него поверх кружки и вдруг улыбнулся — широко, открыто. — Парень этот тоже не знал, что ему делать. Стоял на развилке, как ты сейчас. Денег нет, имени нет. А потом он увидел дочь императора — и решился. Не сразу. Но когда понял, чего хочет, — пошёл. И сначала завоевал её сердце. А потом, когда пришло время, поставил Империю на колени.

Он помолчал, глядя на Вейла поверх кружки.

— Понимаешь, к чему я? — Грег подался вперёд. — Если он, без роду и племени, смог решиться — то у тебя, с твоей кровью и твоим именем, и подавно получится. Только не сиди на месте. Иди. И не бойся быть просто человеком.

Вейл не засмеялся, но что-то в его лице дрогнуло. Грег заметил это.

— Если ты впервые за эти годы улыбаешься, увидев девочку, это стоит чего-то, — произнёс Грег уже мягче. — Не отмахивайся.

Вейл опустил взгляд в кружку.

— Я не отмахиваюсь.

— Вот и ладно. — Грег кивнул. — И вот ещё что. Если вдруг не выйдет, если она тебя оттолкнёт или ты сам всё испортишь — возвращайся. Комната для пьяных принцев у меня до сих пор свободна. Двадцать лет простаивает. Будешь сидеть и пить, пока не забудешь, как её зовут.

Вейл хмыкнул.

— Я запомню.

— Ну и не забудь. — Грег махнул рукой. — А теперь иди. Пока ты сидишь тут, она, может быть, снова кидает камни в море. Одна, если тебе повезёт.

Вейл допил эль. Поставил кружку на стойку. Поднялся.

— Спасибо.

— Не за что. — Грег уже брал новую кружку с полки. — И передавай привет отцу. И матери. И дяде. И вообще всей своей императорской семейке. У меня из-за вас таверна на десять комнат разрослась. Слуги бегают, налоги не плачу — скука смертная. Хотя ты пришёл, напомнил старику, ради чего он эту кружку тридцать лет назад в руки взял.

Вейл почти улыбнулся. Почти.

Он повернулся и пошёл к выходу. Проходя мимо стола у окна, он на мгновение встретился глазами с Розой. Она смотрела на него — спокойно, понимающе. Чуть кивнула. Вейл ответил тем же и толкнул дверь.

Ночь встретила его ветром с моря. Ветер пах солью, дымом и осенью. Где-то впереди, за стенами Цитадели, горели окна особняка наместника Запада. Там, за этими окнами, был свет, который он видел сегодня на берегу. Серебристые волосы. Тёплые, как мёд, глаза. Смех, от которого море затихло.

Он не знал, что будет дальше. Но теперь у него был план. Неуклюжий, наивный, но план. И этого было достаточно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.